

Лин Чжэньвэй чем больше размышлял, тем сильнее смягчалось его сердце. Он вполне мог представить, через что прошёл Е Сяо. Сила не берётся из ниоткуда. Пока её не было, этот юноша, наверное, хлебнул немало презрения и насмешек, а обретя её — столкнулся с отторжением и использованием.

С тяжёлым вздохом Лин Чжэньвэй потрепал Е Сяо по голове. Тот, разжёвывая молочную ириску, пристально смотрел на него, находя в этом мужчине сходство со своим братом — только постарше.

Вскоре солдаты принесли вокализатор. Лин Чжэньвэй взял устройство, отпустил их и принялся объяснять Е Сяо, что это такое, предложив надеть его.

Е Сяо с любопытством разглядывал предмет, похожий на ошейник, который, как утверждалось, позволит ему говорить. Хотя особой потребности в речи у него никогда не было, он не отказался попробовать и кивнул.

Лин Чжэньвэй с улыбкой надел вокализатор Е Сяо на шею, настроил его и сказал:

— Соединись с ним с помощью духовной силы и попробуй что-нибудь сказать.

Послушно направив духовную энергию в ошейник, Е Сяо услышал в голове голос: «Переводчик подключён. Пользователь может вводить информацию в любое время». Он попытался «ввести» слово «говорить», и его горло тут же затрепетало, издав звук.

— Говорить, — прозвучал чистый юношеский голос, отозвавшись эхом в ушах. В сердце Е Сяо, обычно спокойном, вдруг пробежала лёгкая рябь. Он не мог понять, что это за чувство, но оно казалось куда интереснее, чем еда.

Лин Чжэньвэй заметил проблеск радости в глубине глаз Е Сяо и с умилением подумал, что дети остаются детьми, какими бы пугающими они ни казались. Это заставило его вспомнить детство Лин Тяньюя.

Тяньюй родился с силой уровня В, что для Республики, где максимумом для искусственно выращенных сверхспособных считался уровень С, было пугающим. Каждая его истерика оборачивалась катастрофой. Особенно в десять лет, когда он уже мог действовать самостоятельно, а постоянный, почти тюремный надзор лишь распал его нрав. Несколько раз военная база, где он содержался, была на грани полного разрушения.

Высшие чины Республики, измученные борьбой с ним и боявшиеся, что, подрастая, Тяньюй окончательно выйдет из-под контроля и станет угрозой для всей страны, в большинстве своём решили прибегнуть к гуманному уничтожению. Но Лин Чжэньвэй, конечно же, не мог согласиться — это была его плоть и кровь.

Несмотря на сопротивление парламента, он, рискуя быть обвинённым в мятеже, силой взял под контроль базу и сам занялся воспитанием сына. До сих пор он сожалел, что в своё время, словно воду в голове зачерпнув, отдал малолетнего Тяньюя государству.

Лишь взяв воспитание в свои руки, Лин Чжэньвэй понял, что Тяньюй не так уж страшен. Хотя поначалу тот действительно несколько раз серьёзно ранил его, но это были лишь случайные травмы в моменты капризов. В глазах ребёнка каждый раз читались неподдельные раскаяние и испуг. По мере того как их отношения становились всё ближе, Тяньюй научился контролировать свою силу и больше никогда никого не ранил в припадке гнева.

Вспомнилось Лин Чжэньвэй, как Тяньюй в детстве любил сладости. Именно благодаря тому, что он приносил ему пирожные и водил в кондитерские, они смогли сблизиться. Даже сейчас у Лин Чжэньвэя сохранилась привычка носить с собой шоколад и конфеты.

Однако, повзрослев, Тяньюй стал скрытным, и сладости есть перестал, зато пристрастился к их приготовлению. Вот уж воистину: парень растёт — меняется, и не всегда в предсказуемую сторону. А в детстве был таким милым...

С ностальгией глядя на Е Сяо, Лин Чжэньвэй почувствовал, будто вернулся на двадцать лет назад, ко временам, когда нянчился с Тяньюем. Он похлопал Е Сяо по плечу:

— Давай поговорим. Ты ещё не сказал, как тебя зовут.

Е Сяо, впервые испытавший радость речи, с готовностью ответил, хотя его манера говорить оставалась предельно лаконичной:

— Е Сяо.

— Хорошее имя, — Лин Чжэньвэй сохранял мягкую улыбку. — А откуда ты?

— Из Нижнего мира, — ответил Е Сяо, с самого начала считавший, что совершил вознесение.

— Нижний мир? — Лин Чжэньвэй, естественно, не знал, что это такое, и мог лишь предположить, что речь о каком-то звёздном секторе или галактике. — А на какой планете ты живёшь?

— На Земле, — ответил Е Сяо. Хотя его мышление и отличалось от обычного, базовые знания, полученные от брата, у него были.

— Земля! — Лин Чжэньвэй опешил. — Той самой, что в Солнечной системе? — Увидев кивок Е Сяо, он почувствовал, что ситуация становится фантастической. Земля, столичная планета Республики, была настолько тщательно изучена, что даже муху нельзя было оставить без регистрации. Каждый её сантиметр, включая ядро, был исследован, и никаких неизвестных областей не существовало. Так где же жил Е Сяо?

— Можешь уточнить? Например, в каком районе Земли? — не сдавался Лин Чжэньвэй.

Е Сяо подумал и просто назвал свой адрес:

— Страна Z, город Y, уезд X, гора N.

Город, уезд... Лин Чжэньвэй нахмурился, чувствуя, что эти термины ему смутно знакомы, но не мог вспомнить, откуда. Ситуация становилась всё более странной. Ненадолго отложив этот вопрос, он перешёл к другому:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать три, — уверенно ответил Е Сяо, чей день рождения всегда отмечал брат, и добавил:

— День рождения — четырнадцатого июля.

— О, скоро будет, — усмехнулся Лин Чжэньвэй, удивлённый, ведь Е Сяо выглядел на шестнадцать-семнадцать.

Затем Лин Чжэньвэй задал ещё несколько вопросов: есть ли у него родственники, почему он один, как сюда попал. Е Сяо отвечал покорно: дома есть брат, брат вознёсся, и он, чтобы найти его, тоже вознёсся в Верхний мир.

Лин Чжэньвэй, записывая ответы, заметил много странностей. Он не думал, что Е Сяо лжёт, скорее, тот что-то путает. Например, считает, что пришёл из Нижнего мира, а теперь находится в Верхнем.

Проверить, правда ли это, было просто: достаточно было выяснить, человек ли Е Сяо. Поэтому в конце Лин Чжэньвэй обменял две молочные ириски на волос Е Сяо.

Тайком завершив это дело, Лин Чжэньвэй, движимый неким скрытым умыслом, продолжил:

— Е Сяо, раз ты пока не нашёл родных, давай оставайся со мной. Пусть Тяньюй будет твоим старшим братом, а я — отцом. Как тебе?

Е Сяо подумал и счёл предложение отличным. Оба мужчины и так напоминали ему брата, хотя «птичий человек» был постарше. Назвав его отцом, можно было проще их различать. Но он всё же спросил:

— А еда будет?

— Конечно, — поспешно ответил Лин Чжэньвэй. — Мы с Тяньюем будем покупать тебе всё, что захочешь.

— Хорошо, — просто согласился Е Сяо, заключив выгодную сделку и исправно уплатив по счёту:

— Папа.

Лин Чжэньвэй расцвёл от счастья.

А Лин Тяньюю почудилось, будто он увидел призрака. Нет, призраков он и так уже насмотрелся в последнее время, так что лучше сказать иначе.

Лин Тяньюй подумал, что он попал в параллельный мир. На самом деле он уже умер, а теперь оказался в другом мире, где этот жуткий монстр стал его родственником. И вот он видит, как тот называет его родного отца папой...

Кто бы мог объяснить, что происходит? Лин Тяньюй помнил только сон, в котором был рабом этого монстра, вынужденным бесконечно готовить для него сладости. Однажды монстр взбесился, схватил его и съел.

Проснувшись в ужасе, он увидел, как тот же монстр, только что его съевший, сидит рядом с его отцом, и они общаются как родные. И этот монстр называет его отца папой.

— О, проснулся, — Лин Чжэньвэй, один из участников этой сцены, не заметил смтения сына. С радостью он подтянул Е Сяо к кровати Тяньюя и представил:

— Давайте познакомимся. Это мой старший сын, Лин Тяньюй. А это мой младший сын, Е Сяо. Теперь вы братья, так что живите дружно.